

Мифы языческой скандинавии

Во что
верили
викинги

ВЛАДИМИР
ПЕТРУХИН

Владимир Петрухин

Мифы языческой Скандинавии

«Яуза»

2022

УДК 293.11
ББК 84(2)4

Петрухин В. Я.

Мифы языческой Скандинавии / В. Я. Петрухин — «Яуза», 2022

ISBN 978-5-04-176681-8

Как скандинавы сохранили свои языческие мифы? Почему скандинавская мифология так популярна в мире? Книга известного специалиста по мифологии и Средневековью В.Я. Петрухина знакомит читателя с картиной мира скандинава-язычника. Используя Эдду и саги, памятники древнего изобразительного искусства и религиозного культа, открытия археологов, автор реконструирует верования скандинавов. Культура германцев в эпоху Великого переселения народов и скандинавов была тесно связана с культурой славян и Руси, поэтому в книге сопоставлены мифы и предания скандинавов и Древней Руси. Автор рассказывает о том, как скандинавы видели Небесный Асгард и земной Мидгард, Утгард – мир «за оградой», описывает скандинавский пантеон и строительство Асгарда, жертвоприношения и почитание богов, погребальные ритуалы, колдовство и прорицание. В книге также рассматриваются скандинавские сказания о первых русских князьях: смерть Вещего Олега и «Сага об Одде Стреле», князе-волке Игоре и легенды о Хаконе Добром и Олаве Трюггвасоне, а также место древнего мифа в современной цивилизации. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 293.11

ББК 84(2)4

ISBN 978-5-04-176681-8

© Петрухин В. Я., 2022

© Яуза, 2022

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Германские боги	9
Переселенческие сказания	19
Глава 1	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Петрухин

Мифы языческой Скандинавии

Предисловие

Первое издание книги «Мифы древней Скандинавии» вышло в 2003 г. в издательстве Астрель, АСТ. Автор, занимающийся скандинавскими и русскими древностями из российских раскопок, прежде всего – в Гнёздове (Смоленск), с благодарностью вспоминает руководителей раскопок Д.А. Авдусина (1918–1994) и Т.А. Пушкину (1945–2019). Мне посчастливилось сотрудничать с А.Я. Гуревичем (1924–2006) и Е.М. Мелетинским (1918–2005), С.А. Токаревым (1899–1985), обсуждая с ними специфику соотношения скандинавской мифологии и дохристианской обрядности. Неоценимым остается сотрудничество с зарубежными коллегами-скандинавистами – И. Янссоном (Швеция), А. Стальсберг (Норвегия), В. Дучко, Л. Слупецким (Польша), отечественными специалистами по скандинавским древностям – О.А. Смирницкой, Е.А. Мельниковой, Т.Н. Джаксон.

Интерес к уникальному феномену мировой культуры – скандинавской мифологии, равно как и к поражающему воображение периоду мировой истории – эпохе викингов постоянно возрастает, что способствует изданию многочисленных работ, посвященных древним скандинавам. К наиболее примечательным относятся переиздания основных памятников древнеисландской литературы – Старшей Эдды и саг, новые переводы и критические издания – «Исландские пряжи», подготовленные Е.А. Гуревич (1957–2020), «Саги о Кнютлингах», изданной Т.Н. Джаксон и др. Под редакцией Ф.Б. Успенского издана и фундаментальная «Германская мифология» Якоба Гримма, положившая основу изучения скандинавской мифологии и сравнительной мифологии в целом; к классическим старым собраниям мифов и легенд можно отнести книгу английского мифолога середины XIX в. Бенджамина Торпа «Нордическая мифология», опыт проникновения в духовный мир викингов В. Грёнбека («Эпоха викингов: Мир богов и мир людей в мифах северных германцев»). Особый интерес у русского читателя могут вызвать книги классика скандинавской и славянской филологии А. Стендер-Петерсена «Варангика» (под ред. Е.А. Мельниковой), и авторов современных раскопок в Гнёздове В.В. Мурашевой и С.Ю. Каинова «Викинги: путь на Восток», посвященные поискам места варягов в начальной культурной истории Руси. Список рекомендуемых книг с выходными данными приводится в приложении к этому изданию.

Введение

Исторический пролог. Германцы и Великое переселение народов. Германские боги. Переселенческие сказания.

Для древней цивилизации Греции и Рима Германия – нынешние земли между Рейном и Эльбой – и Скандинавия были окраиной ойкумены, заселенного людьми пространства. Дальше был только бесконечный мировой океан, со всех сторон омывающий землю; Скандинавию античные географы вообще считали островом – полулегендарной страной Туле. До начала новой эры ходили легенды, что лишь один человек – хитроумный Одиссей – достиг северного берега Океана.

Греки и римляне считали народы, обитающие вне их цивилизации с развитой городской культурой и письменностью, «варварами», лишенными не только настоящей культуры, но и членораздельной речи, способными лишь на невнятное бормотание («бар-бар»). Это представление было наследием еще более древней – первобытной эпохи, когда иноплеменники считались не только чужими, но и заведомо враждебными «своему» народу людьми. Мир греков и римлян был «средиземным» – остальное было окраинным, периферийным, варварским. Но смысл развития цивилизации заключался в том, чтобы первобытные племенные перегородки рушились: Великая греческая колонизация Средиземноморья, а затем фаланги Александра Македонского и, наконец, римские легионы разрушили не только границы древних цивилизаций Ближнего Востока, но и замкнутые племенные мирки «варварской» Европы.

Разница между героями античного эпоса и суровыми воинами германских саг красноречиво обрисована С.С. Аверинцевым:

«Герои Гомера и трагедии то и дело проливают обильные слезы, чаще всего над самими собой, но иногда и над чужим горем. Надо сказать, что они делят с персонажами Ветхого Завета свойство южной чувствительности и впечатлительности (присущее также крещеным византийским потомкам эллинов): суровые нордические герои „Саги о Вольсунгах“ или „Песни о Нибелунгах“ скорее всего, нашли бы Ахилла неженкой и плаксой».

Римляне быстро убедились на практике, что «варвары» – это очень разные народы, обладающие собственными культурой и языком. Современная наука во многом остается наследницей того, что узнали и поняли об этих народах древние авторы. В частности, античные историки и географы различили две крупные общности народов Западной Европы – кельтов (галлов) и германцев, и до сих пор это деление на народы, говорящие на кельтских и германских языках, принято в языкознании. Народы современной Германии и Скандинавии – датчане, шведы, норвежцы, исландцы – говорят на германских языках, сохраняют много общего в традиционной народной культуре. При этом, однако, сами германские народы не именовали себя германцами – это наименование (обозначение – этникон) ввели римские авторы. Сами германцы сохраняли свои племенные имена (этнонимы), в том числе имя тевтоны, родственное нынешнему самоназванию немцев – дейч: оно означало «народ, люди, свои люди» – ведь только свое племя и считалось в первобытную эпоху настоящими «людьми». Еще одно характерное племенное имя сохранилось в названиях стран, расположенных в крайних пределах расселения германских народов: по-германски оно звучало как свевы, свеи, свионы, семноны, что означало «свой, соплеменник»; Швеция в Скандинавии и Швейцария в Альпах напоминают о тех германских племенах, которые считали только соплеменников «своими», прочие племена – «чужими». Названия других народов, в том числе северогерманских или скандинавских, часто означает страну, в которой они расселились: норвежцы в древности назывались

норманнами (так именовали и всех скандинавов – «северных людей»), исландцы получили название от острова Исландии. Представление о родстве развивалось у германских племен в процессе столкновения с «чужими», прежде всего – римлянами.

Германские боги

Первым римским автором, который описал обычаи германцев рубежа н. э., был сам покоритель Галлии Гай Юлий Цезарь. «Нравы германцев во многом отличаются от галльских нравов: у них нет друидов для заведывания богослужением, и они мало придают значения жертвоприношениям. Они веруют только в таких богов, которых они видят и которые им явно помогают, – именно: в солнце, Вулкана и луну: об остальных богах они не знают и по слуху. Вся жизнь их проходит в охоте и военных занятиях... Земледелием они занимаются мало... Ни у кого из них нет определенных земельных участков и вообще земельной собственности: но власти и князья каждый год наделяют землей... роды и объединившиеся союзы родственников, а через год заставляют их переходить через год на другое место. Этот порядок они объясняют разными соображениями; именно, чтобы в увлечении оседлой жизнью люди не променяли интереса к войне на занятия земледелием, чтобы они не стремились к приобретению обширных имений и люди сильные не выгоняли бы слабых из их владений» (Записки о галльской войне. Кн. VI. 21–22).

Сведения Цезаря могут показаться непонятными современным читателям, так как великий римлянин описывает быт германцев, во-первых, с позиций своей цивилизации: поэтому стихию, которой поклоняются германцы, – огонь – он называет именем римского божества, Вулканом. Во-вторых, Цезарь использует галльскую информацию о германцах, и галлы, как это часто бывает в племенных обществах, считают своих соседей более «дикими», чем свой собственный народ. Возможно, у германцев не было жрецов, подобных кельтским друидам – касте, наделенной сокровенным знанием всех тайн Вселенной, но им был известен и сложный религиозный культ, и жертвоприношения, способные поразить воображение античных авторов.

Германцы. Римский рельеф. На римском рельефе изображена кочующая германская семья

Младший современник Цезаря и Августа великий античный географ Страбон дает сходное описание быта германских племен, многие из которых он уже знает по именам – ведь столкнувшись с римлянами, они стали вести с ними непрерывные войны. Военский обычай германского племени кимбров Страбон посчитал достойным описания в своей «Географии» (Книга VII. II. 3). «Передают, что у кимбров существует такой обычай: женщин, которые участвовали с ними в походе, сопровождали седовласые жрицы-прорицательницы, одетые в белые льняные одежды, прикрепленные (на плечах) застёжками, подпоясанные бронзовым поясом и босые. С обнаженными мечами эти жрицы бежали через лагерь к пленникам, увенчивали их венками и затем подводили к медному жертвенному сосуду вместимостью около 20 амфор; здесь находился помост, на который восходила жрица и, наклонившись над котлом, перерезала каждому поднятому туда пленнику. По сливаемой в сосуд крови одни жрицы совершали гадания, а другие, разрезав трупы, рассматривали внутренности жертвы и по ним предсказывали своему племени победу.»

Это действительно леденящее душу описание едва ли поражало античного ученого своей жестокостью: зритель, привычный к гладиаторским боям, не боялся крови пленных. Скорее, Страбона заинтересовало здесь то, что «варвары»-германцы гадали по внутренностям убитых пленников так же, как римские жрецы-авгуры по внутренностям жертвенных животных.

Образ суровых и воинственных германцев, где даже женщины были подчинены военному быту и воинским культам, сложился в античную эпоху и дожил не только до последнего периода «варварской» эпохи – века викингов с его представлениями о валькириях – девах-воительницах – и т. п., но и до позднейших времен «тысячелетнего рейха», когда любование воинскими доблестями дополнилось индустрией уничтожения целых плененных народов... Даже слово, означающее в немецком языке «народ» – фольк – относилось не просто к населению страны, а

к организованному объединению людей (ему родственно заимствованное славянами у германцев слово «полк»). Этот воинственный образ был ярким, но во многом поверхностным.

Уже римский историк Корнелий Тацит в конце 1 в. н. э. писал о том, насколько противоречив был быт германских варваров. «Когда они не ведут войн, то много охотятся, а еще больше проводят время в полнейшей праздности, предаваясь сну и чревоугодию, и самые храбрые и воинственные из них, не неся никаких обязанностей, препоручают заботы о жилище, домашнем хозяйстве и пашне женщинам, старикам и наиболее слабосильным из домочадцев, тогда как сами погрязают в бездействии, на своем примере показывая поразительную противоречивость природы, ибо те же люди так любят безделье и так ненавидят покой» (О происхождении германцев. Глава 15). «Беспробудно пить день и ночь ни для кого не постыдно, – продолжает Тацит (глава 22). Частые ссоры, неизбежные среди предающихся пьянству, редко когда ограничиваются словесной перебранкой и чаще всего завершаются смертоубийством или нанесением ран». Эта «бытовая подробность» имеет самое роковое продолжение в скандинавской мифологии: на пиру богов во время перебранки, затеянной злокозненным богом Локи, самими богами нарушается священный мир, и это приводит к гибели богов.

Мир, мирные отношения, особенно между «своими» соплеменниками, были не менее значимы для германцев, чем война. Мирные дела обсуждались на ритуальных пиршествах, поэтому нарушение мира во время пиров считалось тяжким преступлением. «По большей части на пиршествах они толкуют и о примирении враждующих между собою, о заключении браков, о выдвижении вождей, наконец о мире и о войне», – пишет Тацит.

Тот же римский историк объяснил, почему женщины так активно участвовали в военных предприятиях и культах германцев. «Как рассказывают, неоднократно бывало, что их уже дрогнувшему и пришедшему в смятение войску не давали рассеяться женщины, неотступно молившие, ударяя себя в обнаженную грудь, не обрекать их на плен, мысль о котором, сколь бы его не страшились для себя воины, для германцев еще нестерпимее, когда дело идет об их женах... Ведь германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар, и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями. В правление божественного Веспасиана (римский император 1 в. н. э. – В.П.) мы видели среди них Веледу, долгое время почитавшуюся большинством как божество» (там же. Глава 8). Она жила в высокой башне, доступ в которую имели только ее родичи, передававшие пророчице вопросы тех, которые желали знать о грядущем. Мы сами еще увидим в скандинавских мифах пророчицу, которая носила сходное имя – вэльва – и предрекала грядущие судьбы мира и богов.

Но уже сейчас понятно, что Тацит гораздо больше знал о германцах, чем Цезарь. В сочинении, специально посвященном происхождению германцев, историк первым рассказывает собственно германские мифы. «В древних песнопениях – а германцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы, – они славят порожденного землей бога Туисто. Его сын Манн – прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по имени которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине – гермионами, все прочие – истевонами. Но поскольку старина всегда доставляет простор для всяческих домыслов, некоторые утверждают, что у бога было большее число сыновей, откуда и большое число наименований народов, каковы марсии, гамбровии, свебы (свевы), вандилии, и что эти имена подлинны и древние».

Тацит был настоящим историком, и критически подходил к тем рассказам, которые передавали ему о германцах. Однако и другой римский автор – старший современник Тацита Плиний Старший – упоминал те же три группы германских племен (к ингевонам он относил уже знакомых нам кимбров и упоминавшихся тевтонов). Но дело не только в этом дополнительном свидетельстве. Дело в том, что во многих мифологиях народы мира происходят от трех родоначальников: самая известная генеалогия народов мира – библейская, согласно которой все

народы происходят от трех сыновей Ноя, единственного человека, спасшегося после всемирного потопа. В германском мифе имя Манн означает просто «человек» – это Первочеловек (сродни библейскому Адаму), но его предком было уже божество. Эта мифология, связывающая генеалогически, родственными связями, богов и людей, свойственна архаическому родоплеменному обществу – библейский Бог был творцом, а не предком человечества.

«Порожденный землей» бог Туисто также носил характерное имя: оно означало «двойник, близнец», указывало на двойственную природу божества. Сходный персонаж известен в скандинавской мифологии, и благодаря тому, что о нем рассказано в скандинавских мифах, мы можем понять, почему прародитель человечества должен был обладать двойной природой. Великан Имир, из тела которого был создан весь мир, также носил имя «двойственного» существа: подмышками у него родились первые люди, мальчик и девочка, а ноги также породили сына. Это значит, что первое человеческое существо, прародителя людей, представляли как гермафродита (или андрогина – таким существам посвящена недавно переведенная книга М. Элиаде «Мефистофель и андрогин») – ведь ему (в отличие от библейского Адама) не у кого было попросить себе пару.

На эту двойственную природу указывает и имя одного из племенных объединений германцев – ингевоны: его первопредком считался бог Инг, имя которого напоминает прозвание одного из главных богов скандинавского пантеона, Ингви-Фрейра. Этот бог земного плодородия имел сестру-близнеца по имени Фрейя, которую попрекали кровосмесительными связями с братом (в мире богов – мире сверхъестественного – позволялось то, что было недопустимым в мире людей). От Ингви-Фрейра происходил скандинавский королевский род Инглингов, потомками которого считали себя «исторические» конунги Норвегии и Швеции – этногонический (повествующий о происхождении народа-этноса) и генеалогический мифы продолжали бытовать в германо-скандинавском мире в средневековую эпоху.

Но вернемся в античную эпоху, к работе римского историка Тацита. Он следовал свойственным эпохе традициям и обнаружил у германцев культ самого славного героя греков и римлян – Геркулеса. Этот герой странствовал по всей земле, освобождая ее от чудовищ, и часто оказывался персонажем местных преданий и мифов – так, Геродот считал Геракла предком скифов – народа в Северном Причерноморье. «Говорят, – писал Тацит, что Геркулес побывал и у них (германцев – В.П.), и, собираясь сразиться, они славят его как мужа, с которым никому не сравниться в отваге». Отождествление германского божества с Геркулесом – не фантазия римского историка: германцам и скандинавам был известен герой, который подобно Геркулесу сражался с чудовищами, угрожающими людям и богам, и использовал в бою оружие, сходное с палицей античного богатыря. Это был громовержец Донар, скандинавский Тор, вооруженный чудесным молотом-молнией.

Античные историки часто приписывали незнакомым «варварским» божествам имена своих богов, особенно, если совпадали их божественные функции. Так и Тацит писал о германцах, что «из богов они больше всего чтят Меркурия и считают должным приносить ему по известным дням в жертву также людей. Геркулеса и Марса они умилоствуют закланиями обрекаемых им в жертву животных». Кажется странным верховенство Меркурия в германском пантеоне: ведь у римлян этот вестник богов был «на побегушках» – на вторых ролях. Но если вновь обратиться к более поздней – записанной в средние века – скандинавской традиции, то выяснится, что верховным божеством у скандинавов был Один, германский Вотан, отличавшийся способностью проникать во все области мироздания, и поэтому напоминающий вестника богов в античной традиции; ему действительно приносили в жертву людей. Был известен и день, посвященный этому богу – среда до сих пор именуется в германских языках днем Одина-Вотана (англ. Wednesday), в римском календаре это был день Меркурия. Труднее разделить функции Геркулеса и Марса, ибо и тот, и другой у германцев должны были почитаться как боги войны. Выясняется, однако, что у скандинавов был «специализированный» бог войны и

права – Тюр (германский Тиу, или Тивац), которому также был посвящен собственный день недели – вторник (англ. Tuesday) – день Марса, тогда как громовержцу – римскому Юпитеру, германскому Донару-Тору был посвящен четверг (англ. Thursday). Впрочем, всякое божество в эпоху бесконечных войн имело отношение к воинским культам. В другом своем сочинении – *Анналах*, где рассказывается о войнах Рима с германцами, Тацит (не без удовлетворения, поскольку речь идет о расправе у врагов) сообщает о том, как два германских племени вступили в сражение из-за богатой солью пограничной реки: перед битвой каждое племя посвятило вражеское войско Марсу и Меркурию – все живое, и люди, и скот, должно быть истреблено победителями, принесено в жертву божеству.

У историка Орозия, работавшего в 5 в., сохранилось описание такого жертвоприношения. Его совершили после одержанной крупной победы уже знакомые нам кимбры в начале 2 в. В соответствии со своим диким обетом, они стали уничтожать всю захваченную ими огромную добычу. Одежды были разрываемы на куски, золотые и серебряные украшения – предмет главного вожделения варваров – выбрасывались в реку, конское снаряжение ломалось на части, а самих лошадей топили в водоворотах; пленников же вешали на деревьях. И не было добычи для победителей и пощады для побежденных, – пишет Орозий.

«Варварство» было не просто метафорой, означающей примитивную культуру соседей античной цивилизации: античное рабство, гарантировавшее жизнь пленникам, было все же лучше, чем племенной героизм.

Загадочным для Тацита остался культ свевов (или свебов). «Часть свебов совершает жертвоприношения и Изиде; в чем причина и каково происхождение этого чужестранного священнодействия, я не мог в достаточной мере выяснить, но, поскольку их святыня изображена в виде либурны, этот культ, надо полагать, завезен к ним извне». Действительно, египетская богиня Изида была популярна в Риме, пантеон которого включал богов всех провинций империи. Но как он мог распространиться у противников римлян германцев? Либурна – легкое римское судно, ладья. Чудесный корабль Скидбладнир (сложенный из тончайших досок), который может быть свернут как платок, – атрибут уже упомянутого скандинавского бога Фрейра: отцом этого бога и его сестры Фрейи в скандинавском пантеоне считался бог морской стихии Ньёрд. Все это наводит на мысль о том, что под почитанием Изиды – сестры и жены египетского бога плодородия Осириса – у германцев следует видеть культ Фрейи или близкого ей женского божества. Миф о таком божестве рассказывает тот же Тацит.

Многочисленные германские племена, живущие возле Балтийского – Свевского моря, которое считалось в древности заливом Океана, все поклонялись матери-земле: ее Тацит именует Нертус или Нерта. Это имя соответствует скандинавскому мужскому имени Ньёрд – стало быть, Нерта и Ньёрд образуют пару, напоминающую пару Фрейра и Фрейи. Видимо, отец – воплощение морской стихии – и мать-земля были прародителями этой скандинавской божественной пары.

С Нертой связан исполненный ликования и одновременно ужаса культ. Ее святилище расположено на острове среди океана, в священной роще, где под покровом из тканей таится ее повозка. Только жрец может касаться этой колесницы, и лишь ему известно, когда богиня пребывает в своем святилище. Этот рассказ напоминает библейский мотив скинии Завета – палатки, где хранился священный ковчег: но сходство лишь видимое – в скинии пребывал Дух Божий, у германцев же, судя по дальнейшему описанию, в повозке помещался идол богини – ее изображение, которое отождествлялось с самим божеством. Это изображение и вывозят на повозке, запряженной коровами, чтобы явить богиню ее поклонникам. Конечно, коровы не созданы специально для ярма, зато повсюду они почитались как священные животные, связанные с культом плодородия, и поэтому были достойны возить по германским землям воплощение самой матери-земли. Все германские земли наполняются в это время ликованием: на войны и распри налагается запрет, оружие прячут, повсюду царят мир и покой. Когда же богиня

насыщается общением с людьми, жрец возвращает ее в капище. Тогда само божество и ее фетиши – повозка и покров – должны очиститься от общения со смертными: их ждет омовение в сокровенном озере. Этот ритуал выполняют рабы, и они, прикоснувшиеся к святыне, должны погибнуть в том же озере.

Это парадоксальное, на взгляд современного читателя, сочетание всеобщей радости и священного ужаса обычно для культов плодородия – еще более драматические мистерии разыгрывались во время подобных действ в Египте (не случайно Тацит поминал Изиду) и Греции. Жизнь и смерть, плодородие и гибель, ликование и ужас были неразделимы в древних культах, как неразделимы были земля и вода в культе Нерты. Археологи находят в высохших торфяниковых болотах Дании, бывших когда-то озерами, трупы принесенных в жертву людей – их тела и одежда оказались настолько законсервированными, что поначалу отыскившие их люди не поняли, что имеют дело с древними германцами; возникали даже версии о сокрытии недавних убийств... В действительности, жертвы относились к железному веку – времени древних германцев. Известна и находка двух колесниц, на которых, видимо, устанавливался идол божества, объезжавшего свою землю.

Но варварские нравы древних германцев уходили в прошлое, и хотя у их наследников – раннесредневековых скандинавов – сохранялись не только мифы о богах, но и культы тысячелетней древности, сами эти культы могли подвергаться мистификации со стороны ловкачей, уже не веривших в древние мифы. Одну такую историю сохранила исландская сага – повествование о норвежском конунге Олаве Трюггвасоне, правившем в самом конце X в. и стремившемся распространить в Норвегии христианство (о нем будет рассказано в главе 11).

Один из людей конунга, по имени Гуннар, оказался в Швеции, где еще процветали древние языческие культы. В святилище бога Фрейра ему приглянулась жрица, считавшаяся женой божества – то есть выполнявшая супружеские функции его сестры Фрейи. Добившись взаимности этой служительницы культа, Гуннар получил приглашение участвовать в религиозной процессии – поездке божества по шведским землям, которая должна была гарантировать им мир и плодородие. Случилось так, что после бурана на горной дороге из всей процессии уцелели лишь сам бог – идол в повозке, Гуннар и его возлюбленная. И тут Фрейр – точнее, с точки зрения христианина, записавшего сагу, – бес, обитавший в идоле, выказал свою ревность и напал на Гуннара. Тому пришлось вспомнить о христианском Боге своего конунга, и с его помощью бес был побежден. Но Фрейра ждали его поклонники, и Гуннару пришлось сыграть роль языческого божества: он уничтожил идола и облачился в его одеяния. Так он и явился на пиршество, устроенное идолопоклонниками по случаю приезда божества: теперь «Фрейр» сам мог есть и пить со своими почитателями, что вызвало энтузиазм верующих. Еще большую радость вызвало решение «бога» не требовать более кровавых человеческих жертв – «Фрейр» решил принимать пожертвования в виде драгоценностей и одеяний. Когда же язычники увидели, что «жена Фрейра» беременна, они возликовали, ибо это был верный знак плодородной силы божества. Гуннару повезло, так как земледельческий сезон действительно оказался благополучным для Швеции. Неясно, сколько продолжалась бы его «божественная» карьера, но конунг Олав прослышал о языческих непотребствах, творящихся в Швеции, и велел своему дружиннику вернуться к его христианскому двору.

Этот сюжет, известный читателю по знаменитому фильму «Праздник святого Йоргена», отстоит от эпохи кино на тысячу лет и еще на тысячу лет – от эпохи древних германцев, когда едва ли были возможны такие мистификации. Варварский быт и представления о богах еще не были разрушены цивилизацией, допускающей осмеяние и шельмование кумиров. Для нас важно, что на протяжении этого тысячелетия германского язычества в разных частях германо-скандинавского мира сохранялись древние традиции и культы божеств. Мы уже видели, что имена континентальных германских божеств, известные римским писателям, сохранились в скандинавском язычестве, о котором повествуют саги и песни, записанные уже исланд-

цами-христианами через тысячу лет. Но эти имена и культы имеют еще более глубокую древность.

Римские авторы сравнивали германских богов со своими не только потому, что вообще любили сравнивать быт варваров со своим бытом. Эти боги были действительно не только похожи друг на друга – они находились в «генетическом» родстве, которое давно установила наука, начиная с немецкого филолога и знаменитого собирателя сказок Якоба Гримма, и кончая французским академиком Жоржем Дюмезилем. Это родство было естественным – искусственными были представления о «варварстве» и цивилизации, разделявшее народы, ибо сами народы, их языки и культы восходили к единым истокам.

Для народов Европы и огромной части Передней и Южной Азии эти истоки уходят корнями в каменный век, эпоху, когда стали формироваться большие группы народов, объединенные близкими языками – языковыми семьями. Римляне, греки, кельты, германцы, славяне, иранцы, индийцы относятся к так называемой индоевропейской семье языков. Иранцы и индийцы в древности именовали себя арья или ариями (слово Иран родственно этому названию), вспоминая о своей мифической прародине где-то на севере, когда все индоевропейские народы жили вместе по соседству. Германские нацисты уже в XX в. пытались присвоить себе это древнее наименование, объявив именно германцев-немцев носителями истинной арийской расы. Это был расистский вариант первобытного деления людей на носителей истинной культуры и «чистых» расовых признаков и представителей «нечистых» низших рас. В действительности, чистых рас, равно как и «чистых» культур никогда не существовало – условием существования каждого народа и человечества в целом было взаимодействие разных культур. Разными были и индоевропейские народы, различались их языки и диалекты – но эти языки и диалекты были в древности взаимопонимаемыми, имели общие слова, в том числе наименования богов.

Если сравнить эти имена у разных индоевропейских народов, то станет ясно, что функции одноименных богов часто менялись в зависимости от традиций каждого народа. Так, верховным божеством греков был громовержец Зевс, которому у римлян соответствовал Юпитер, чье имя некогда в большей мере напоминало имя Зевса, ибо звучало как Диес-патер (Отец Диес). Этим именам имеется точное соответствие у индийцев – «ариев»: их небесный бог именовался Дьяус, но он не был громовержцем. Наконец, германский бог войны Тиу (Тивац, скандинавский Тюр) носит то же имя, но и он не был громовником... Лишь путем гипотез и реконструкций можно догадаться, что в первобытном прошлом индоевропейцам было известно божество вроде индийского Дьяуса, воплощающее дневное чистое небо – функции этого божества изменились у разных индоевропейских народов в процессе их разделения и расселения, но древнее имя осталось узнаваемым (для специалистов-филологов).

Громовержцем у германцев был Донар, скандинавский Тор; у кельтов громовника звали Таранис, а у индийцев – Индра; имена этих богов родственны. С Тором оказывается связан языковым родством и славянский Перун, но не напрямую, а через скандинавское имя матери Тора – Фьёргюн. А вот у иранцев есть персонаж, носящий то же имя, что и индийский Индра, но он оказывается зловредным демоном. Это противоречие вообще характерно для мифов соседних народов – индийцев и иранцев; им известны две группы враждующих мифологических персонажей – богов и демонов: у индийцев боги именуются дева, а демоны – асура; у иранцев, наоборот, благие божества зовутся ахура, злобные духи – дева. Эти далекие мифологические мотивы имеют непосредственное отношение к скандинавской мифологии, ибо у скандинавов небесные боги, в том числе Один и Тор, именуются асы, а земные (и водные) боги плодородия, Ньёрд, Фрейр, Фрейя, – ванами. Имя второй группы богов не похоже на индийское или иранское, зато скандинавской мифологии известен сюжет борьбы и даже войны асов и вана, что напоминает иранские и индийские мифы об их вечном противостоянии.

Мотив этой войны богов, видимо, восходит к тем временам, когда разные индоевропейские народы или племена жили по соседству, и каждый из них считал богов своих соседей вредоносными существами. Во всяком случае, асы и ваны скандинавской мифологии относились к разным родам и воевали как два враждующих племени – война прекратилась, лишь когда они обменялись заложниками.

Таким образом, не только общие имена, но и общие мифы объединяют культуры разных и даже самых отдаленных друг от друга индоевропейских народов. Это сходство позволяет представить себе и древний пантеон индоевропейцев, а значит и германцев. Жорж Дюмезиль обратил внимание на то, что у разных народов божества относятся к трем иерархическим уровням в соответствии с космическими сферами. К высшему уровню принадлежат небесные боги – у германцев это должен быть Тиу, Тивац или Тюр (у скандинавов) и Вотан-Один; ко второму уровню относятся «атмосферные» божества вроде громовника Донара-Тора, который своим оружием-молнией защищает небесный мир от демонов, а дождем оплодотворяет землю. Наконец, низший «земной» уровень занимают божества плодородия, часто парные – у германцев это воплощение земли Нерта и ее мужской эквивалент Ньёрд, или ваны Фрейр и Фрейя.

Но скандинавский пантеон, в том виде, в каком он нам известен из древнеисландских средневековых памятников, имеет одно разительное отличие от прочих пантеонов индоевропейцев. Место высшего небесного бога в нем занимает Один, который если и имеет отношение к небу, то не к дневному и светлому, а к мрачному и угрожающему – он бог бури, а не оплодотворяющей грозы. С ним связаны народные поверья о «дикой охоте» – он возглавляет полчища мертвецов, которые проносятся по небу в ненастные новогодние ночи. Он наделен шаманским даром проникать в преисподнюю и вызывать мертвых (недаром Тацит сравнивает его с проникающим во все сферы мироздания Меркурием), и сам царствует над погибшими в бою мертвецами – героями, жителями своего небесного чертога Вальхаллы – «Чертога павших».

История германо-скандинавского мира в 1 тысячелетии н. э. может объяснить эту мрачную и страшную замену небесного бога повелителем павших героев. Традиционный племенной мир рушился как под натиском римских легионов, так и в процессе ответного движения «варваров» – наступила эпоха Великого переселения народов. «Справедливые» войны, служившие защите своего племени под покровительством «справедливых» и светлых богов, сменились истребительными захватническими походами. Тацит описывает, как сражалось самое свирепое из известных ему германских племен. Свевское племя гариев «с помощью всевозможных ухищрений и используя темноту, добиваются того, что кажутся еще более дикими: щиты у них черные, тела раскрашены; для сражений они избирают непроглядно темные ночи и мрачным обликом своего как бы призрачного и замогильного войска вселяют во врагов такой ужас, что никто не может вынести это невиданное и словно уводящее в преисподнюю зрелище; ведь во всех сражениях глаза побеждаются первыми». (Германия. 43). Тацит оказывается точным в своих загробных ассоциациях: само имя гарии, харии означало просто «войско» и напоминает наименование павших героев Одина – эйнхерии. Время бога «правильной» войны и высшего небесного бога Тиу кончилось – пришло время неистового Одина-Вотана и новой, «высшей» справедливости.

Германцы не оборонялись от римлян – они остановили империю на Рейне и сами обрушились на Рим: ведь там, за укрепленной римской границей, лимесом, были сосредоточены немыслимые для варваров богатства, которым пресыщались римляне, оставляя презираемых ими варваров в нищете. Тацит еще пишет о том, что «германцы столь же мало заботятся об обладании золотом и серебром, как и об употреблении их в своем обиходе. У них можно увидеть полученные в дар их послами и вождями серебряные сосуды, но дорожат они ими не больше, чем вылепленными из глины; впрочем, – замечает римский автор, – ближайшие к нам знают цену золоту и серебру из-за применения их в торговле». Но уже Страбон замечает, что равнодушие к богатству ушло в прошлое: гелветы – «племя богатое золотом, но мирное» –

узнав, «что богатство, приобретенное кимврами разбоем, превосходит их собственное... пришли в такое возбуждение, что поднялись вместе с кимврами» против римлян. Римлянам удалось отбить варваров, но это было только начало. Страбон признается, что «принятый у нас образ жизни испортил нравы чуть ли не всех народов, внеся в их среду роскошь и любовь к наслаждению, а для удовлетворения этих пороков – гнусные происки и порождающие их бесчисленные проявления алчности».

Правда, у германцев это была поначалу странная, на современный взгляд, алчность. Археологи находят драгоценную римскую посуду... в погребениях германских вождей. Золото и серебро ценится в загробном мире больше, чем при жизни (если верить Тациту). В последующие века богатства приносятся в жертву в традиционных германских и скандинавских святилищах – убивают людей (пленных?), скот, массу ремесленных изделий, оружия, украшений из золота и серебра, культовых (вотивных) изображений бросают в озера (ставшие болотами). Оружие найдено намеренно поврежденным – поломанным на куски или изогнутым (об этой порче жертвенных предметов рассказывал Орозий).

Колесница с солнечным диском из Трундхольма в Дании.

Во время раскопок были найдены колесницы, на которых устанавливался символ божества, объезжавшего свою землю. Эта вотивная повозка из Трундхольма везла солнечный диск. Бронзовый диск покрыт листом золота. Чеканка на золоте изображает спираль, которая считалась знаком солнца в бронзовом веке

Жизнь в этом мире – разрушающемся мире традиционных племенных ценностей – ненадежна: надежней обеспечить себя на том свете. Сам Один, согласно средневековой легенде, о которой еще пойдет речь, завещал брать с собой на погребальный костер или хоронить в тайном месте как можно больше сокровищ – они нужны для вечной жизни в Вальхалле. Эти люди и их боги еще далеки от евангельской заповеди: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Матф. 19, 24).

Историк средневековой культуры А.Я.Гуревич обратил внимание на то, что алчность и щедрость в равной мере были присущи варварским вождям: они жаждали новых и новых богатств и без конца раздавали их на пирах своим дружинникам. Скупость считалась страшным пороком: когда жена Одина Фригг задумала погубить одного древнего конунга, она оклеветала его перед богом, сказавши что конунг скуп на еду во время пиров. Алчность и одновременная расточительность вождей понятна: кровнородственные связи перестали быть надежными – им на смену пришли дружинные, общность боевых «друзей», завоевать постоянную дружбу которых можно было только благодаря военной удаче и щедрым подаркам...

Мысль о пагубной алчности, распространившейся у варваров, пришла в голову не только греческому интеллектуалу Страбону: вокруг мотива рокового богатства формируется и собственно германо-скандинавский эпос о Нибелунгах. Целые королевства гибнут из-за рокового богатства, которым несправедливо завладели сами боги: бургундские короли скрывают этот клад – золото Нибелунгов – в водах Рейна и под жестокими пытками гуннов не открывают места, где он спрятан (об этом пойдет речь в главе 9).

Сама эпоха переселения народов порождает не менее важные мифологические и эпические мотивы. Столкновение германцев с Римом привело не только к захвату вождельных богатств – это было столкновение в античной цивилизацией, обретение новых ценностей и включение во всемирную историю. Имена германских племен и их деяния появились в римских анналах и всемирной географии Страбона, а во второй половине 1 тыс. н. э. уже сами германские авторы стали писать историю собственных народов.

Переселенческие сказания

Тацит пересказывал германское этногенетическое предание о том, что германские племена делятся на три группы – истевонов, ингевонов и гермионов, происходящие от трех сыновей первочеловека Манна. Ему был известен и еще один миф, принадлежащий отдельному германскому племени наганарвалов, относящемуся к свевам: они почитали в священной роще божественных братьев-близнецов, которых римский историк сопоставил с античными Кастором и Поллуксом, указав, что их германское имя – Алки. Их культом руководил жрец, одетый в женскую одежду. Нас уже не должен удивлять этот странный травестизм, когда мужчина носит женское одеяние: мы помним, что для этногенетических мифов – мифов о происхождении людей – характерны мотивы двуполости, гермафродитизма. Значит, нужно полагать, что Алки, которым прислуживал жрец-андрогин, были мифическими первопредками племени наганарвалов. Само имя Алки трактуется как «Олени», что тоже очень характерно для этногенетических мифов – первопредки разных народов часто имели двойную зооантропоморфную природу (такие мифы принято называть тотемическими). В одной поздней исландской песни, написанной уже в христианскую эпоху, описывается таинственное видение, в котором два неведомых человека ведут солнечного оленя, ноги которого опираются о землю, а рога касаются неба. Эти двое и космический олень воплощают весь земной мир – всех людей и животных.

Чаще всего в мифах племени возглавляли два или три брата – мифических вождя. Мотив близнецов – предков племени – связан с другим упоминавшимся мифологическим мотивом: боги плодородия, земли и вод были близнецами или носили близнецные – одинаковые – имена. И сам близнецный бог Туисто был рожден землей. Обитатели земли, народы, считались потомками таких земнорожденных существ. Но близнецы Кастор и Поллукс – Диоскуры («сыновья Зевса-Дия»), с которыми сравнивал Алков Тацит, имели в античной мифологии разную природу и разную судьбу, ибо Кастор был смертным, Поллукс – бессмертным. Любовь к брату заставила Поллукса поступиться частью своей бессмертной природы, поэтому после смерти они проводят половину года на небесах (на Олимпе), другую половину – в преисподней.

Земную природу множества таких мифов о небесном и смертном близнецах выяснил отечественный этнограф М.И. Золотарев: каждое первобытное племя делилось на две половины (рода), члены которых имели право вступать в брак, – таков был универсальный закон первобытного родоплеменного общества, жену нужно было брать из своего племени, но из чужого рода. Предки двух изначальных родов воплощали эту дуальную организацию, и весь мир в первобытном мышлении делился на две части – мужскую и женскую, небесную и земную, смертную и бессмертную. Теперь понятно, почему мотивы близнецства, брачных отношений и т. п. так тесно связаны с мифами о происхождении племени и его первопредках, основателях племенных культурных традиций, которых принято называть культурными героями.

Первобытные племена росли и делились на все большее число частей, но в их мифах сохранялась память о двух или трех культурных героях – первопредках, воплощавших начало племенной истории. В разделившемся племени оказывались старые и молодые роды – так выделялась аристократия, возводившая себя прямо к божествам. Мы видели, что одно из трех германских племенных объединений носило имя ингевоны, и могли гордиться тем, что восходят к богу Ингу (Ингви) так же, как позднейшие конунги свеев из рода Инглингов.

На две части во время своего переселения поделился, как рассказывается в его переселенческом сказании, и германский народ готы. Этот народ знаменит потому, что создал у границ Римской империи в Северном Причерноморье свою державу уже в 3 в. н. э. Об истории готов впервые рассказывают не «посторонние» римские или греческие авторы, а писатель готского происхождения Иордан. Правда, сам он жил в 6 в., когда держава готов – королевство

Германариха уже рухнуло под натиском полчищ гуннов (об этом говорится в эпосе о Нибелунгах). Но он записал (по латыни) готские предания, в том числе и о переселении этого народа из некоего острова Скандза. Название острова напоминает название Скандинавии, думают, что это мог быть Готланд на Балтийском (Свевском) море. Иордан называет родину готов «утробой народов», и действительно, германские народы в эпоху великого переселения выходили из бассейна Балтийского моря как из «утробы».

Как и прочие германцы, готы делились на две группы – вестготов и остготов, которыми управляли представители знатных родов, Балтов и Амалов. Предком рода Амалов почитался некий Гаут. Это имя родственно самому этнониму готы, но его история намного шире истории этого восточногерманского народа. Гаутом именовался Один, верховный бог скандинавов, глава пантеона богов – асов. Вестготы не уступали остготам в знатности происхождения своих правителей, которых почитали полубогами – Ансами, и это имя связано с наименованием рода скандинавских богов – асов.

Иордан рассказывает, что высшим богом готы почитали бога войны Марса. Ему приносились в жертву пленники, ему посвящалась первая военная добыча, а военные трофеи развешивались на священных деревьях. Они были так преданы этому жесточайшему культу, что можно было посчитать Марса их прародителем, – писал Иордан. Догадка готского историка справедлива – ведь Марсом латинские авторы, начиная с Тацита, именовали германского бога войны Тиваца-Тюра, может быть, он и носил в древности имя Гаута – гота. Когда Один потеснил на скандинавском олимпе Тюра, он сам стал именоваться Тюрор гаутов(готов). Один сам принес себя в жертву, пригвоздив копьём к мировому дереву (об этом будет рассказано дальше), и этому богу приносили жертвы, вешая их на деревьях, – этот культ был известен готам.

На ходки из жертвенного места в Иллерупе

Из походов на Рим скандинавы возвращались с богатой добычей. Драгоценные кубки из стекла они помещали в могилы, чтобы умерший мог пировать на том свете.

Современник Иордана греческий историк Прокопий писал, что у жителей острова Туле – скандинавов – самой почетной жертвой считался первый захваченный в войне пленный. Они посвящают этого пленника богу войны (Прокопий именует его Аресом) и страшно истязают его перед смертью, вешая на столбе, подвергая колесованию и другим изуверским истязаниям. пытки, как мы увидим, были свойственны и культу Одина.

Готы по реке Висле двинулись от Балтики на юг в землю, которую Иордан называет по-гречески Скифия, и там с ними приключились чудесные вещи.

Готский король увидел там область, которая изумила всех своим плодородием. Она называлась Ойум, что по-готски значило «Окруженная водами». Действительно, король должен был построить мост, чтобы перевести туда готов, но мост сломался, как только половина готского войска переправилась в Ойум, и восстановить его не удалось. С тех пор из этой блаженной страны слышатся лишь голоса животных и людей, но попасть туда невозможно.

Такие рассказы о земном рае часто встречаются у разных народов Европы. И в поздних исландских сагах люди отправляются на поиски чудесной страны. В одной из них – «Сага об Эйрике Путешественнике» – некий норвежец дает обет, что отыщет чудесную страну Одаинсак – «Луг бессмертия». От отправляясь в путь, он достигает сначала Константинополя, где принимает христианство. Наконец, он подходит к некоей реке и на другом берегу видит чудесную землю. С надеждой Эйрик устремляется по мосту, но попадает в пасть дракона. Однако для героя волшебных (или, как их еще называли, лживых) саг не смертельно. Он проходит через чрево чудовища и оказывается в вожденной стране. Но он уже христианин, и поэтому видит ангела, который рассказывает Эйрику, что Одаинсак – это лишь морок, иллюзия. Настоящий рай – это рай христианский, в который можно попасть, лишь служа истинному Богу. И Эйрик решает покинуть чудесную страну и вернуться в Норвегию, чтобы проповедовать христианство...

Готы же, не проникшие в Ойум, двинулись дальше в Скифию, к Понтийскому – Черному – морю, – рассказывает Иордан. Готский историк прославляет свой народ не только как народ воителей, из которых происходил сам бог Марс (видимо, и здесь речь идет о Тиу – Тюре), но и как самый образованный, «чуть ли не равный грекам». У Иордана были основания гордиться готской культурой, ибо готы первыми среди германских народов создали собственную письменность – руны, которые использовали для магических формул – заклинаний.

Руническая письменность. Руны быстро распространились у германских народов, в том числе в Скандинавии. Рунические буквы, состоявшие из вертикальных и косых черт, были удобны для того, чтобы наносить их на твердые предметы – каменные стелы, оружие, украшения, ритуальные сосуды – и придавать им священную магическую силу. Каждая руна имела собственное имя, которое начиналось со звука, обозначаемого этой руной. Так, руна т именовалась именем бога – Тюр, руна ф означала богатство (в древнеисландском языке – фйе); на одном памятном (могильном) камне из Южной Швеции руническая надпись гласит: «Хаду-вольф поставил три руны ф» – жажда богатства не оставляла германцев и после смерти.

Но гордость готского историка прошлым своего народа заставляет его углубиться на целые тысячелетия от реальной Эпохи великого переселения народов. Готы оказываются не только победителями скифов, которых Иордан именует «мужьями амазонок», – они повторяют в описании историка те подвиги скифов, о которых повествовал Геродот. Готы завоевывают почти всю Азию, побеждают самого египетского царя, отражают нашествие персов Дария – сам Цезарь не смог покорить готов. Мы можем понять средневекового историка – «патриота», мечтавшего о минувшей тысячелетней славе своего народа, – ведь и многие современные любители старины стремятся приписать своему народу древние подвиги, которых он не совершал.

Иордан рассказывает также предание о происхождении главных врагов готов – гуннов, очень характерное для эпохи межплеменных распрей и войн. В скифских землях готы обнаружили среди своего племени неких колдуний, имя которых – галиурунны – связано то ли с представлениями о магических рунах (этими письменами владели готы), то ли с прорицаниями. Так или иначе, готский король изгнал их в пустынные места. Там эти ведьмы вступили в связь с нечистыми духами, породив свирепых и отвратительных с виду тварей. Это и были гунны. Скопившись в огромных количествах у Меотийских болот, они не могли перейти Меотиды (Азовское море), пока чудесный олень не указал им путь в скифскую землю и затем исчез.

В средневековой исландской саге, записанной через тысячелетие после того, как Готская держава была разгромлена гуннами, сохранилась «Песнь о битве готов и гуннов». Готы, вызывая своих врагов на бой, произнесли заклятье: пусть все поля будут усеяны трупами гуннов, и пусть Один направит готское копье. Один был главой богов-асов у скандинавов в раннем средневековье, но его культ, как мы видели, имел более древние истоки. Бросить копье во вражеское войско – значит, посвятить это войско богу войны, принести его в жертву.

Иордан был добросовестным историком, и в своем сочинении о деяниях готов он пытался отделить «бабьи сказки» и ученые экскурсы от собственно готских преданий. Эти предания были более «историчны», ибо повествовали о войнах готов с римлянами в 3 в. н. э. и о том, как готы прорвали римскую границу на Дунае. При этом готы не забывали о своем происхождении, и возводили себя, конечно, не к степным кочевникам скифам: их происхождение, с точки зрения готских племен, было более благородным. В рассказанных нами преданиях готы возводили своих вождей к полубогам, которых именовали Ансами. В Скандинавии род верховных богов именовался сходным именем – асы, и к нему принадлежали и Один, и Тюр, которых считали своими предками готы.

Не одни готы кичились божественным происхождением своих вождей. Другие германские народы в Эпоху великого переселения и становления первых – «варварских» – королевств также в своих переселенческих сказаниях соединяли свое мифологическое прошлое с историческим настоящим, возводили династии своих правителей к языческим богам. Замечательное предание германского народа саксов было записано саксонским монахом Видукиндом в его «Деяниях саксов» уже в 10 в. Оно относится также ко временам Великого переселения народов и гибели Римской империи, когда римляне вынуждены были оставить остров Британию, завоеванный еще Цезарем. Кельтское население острова – бритты – не смогло сдержать натиск врагов и обратилось на континент, к германскому племени саксов с призывом. «Благо-

родные саксы, – передает слова бриттских послов Видукинд, – несчастные бритты, изнуренные постоянными вторжениями врагов и поэтому очень стесненные, прослышав о славных победах, которые одержаны вами, послали нас к вам с просьбой не оставить бриттов без помощи. Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, бритты готовы вручить вашей власти» (Видукинд 1. VIII). Народ саксов, по Видукинду, делился на три части и его войско возглавляли три вождя. Такое войско и отправилось в Британию, где быстро разгромило врагов бриттов.

Сюжет этой легенды должен быть знаком всякому, кто интересуется русской историей. Сходное предание записал уже в 12 в. другой монах-историк, работавший в Киеве – Нестор-летописец. В своей «Повести временных лет» он рассказывает о происхождении народа русь: скандинавы, которых в древней Руси звали варягами, собирали дань с жителей Новгородской земли; те прогнали варягов, но тогда у них начались усобицы. Это заставило славян (в 862 г.) вновь обратиться за море к варягам, которые звали себя русью, как другие варяжские племена звали себя свеями, и другие готами, англами и т. д., со словами призвания. «Земля наша велика и обильна, – сказали послы, – но наряда (порядка) в ней нет. Приходите и владейте нами по ряду (договору), по праву». Тогда, продолжает Нестор, избрались три брата – Рюрик, Синеус и Трувор – с родами своими, взяли с собой всю русь, и отправились княжить в три города Новгородской земли. От этих варягов, заключает Нестор, «пошла Русская земля» – произошла Русь.

Уже первые ученые читатели русской летописи обратили внимание на сходство русской и саксонской легенд о призвании правителей. Это сходство объясняли сначала самым простым способом: летопись составлялась при русском князе Владимире Мономахе, который был женат на дочери последнего англосаксонского короля, – отсюда летописцу стала известна саксонская легенда, и он сконструировал легенду о происхождении Руси по иностранному образцу. Даже имена призванных варяжских князей интерпретировались, как непонятая русским летописцем иностранная фраза: якобы Рюрик прибыл из-за моря не с братьями Синеусом и Трувором, а со своим домом («сине хус») и верной дружиной («тру вард»). В действительности, как мы уже видели, три брата или три вождя – обычный мотив переселенческих сказаний, и братья Рюрика носят настоящие скандинавские имена. Само имя русь также имеет скандинавское – варяжское – происхождение и означает дружину гребцов, отправляющуюся в поход на веслах. Нестор записал подлинное, а не занесенное извне предание, бытовавшее в среде русских князей, которые возводили свой род к варягу Рюрику.

Поразительное сходство древнерусской и саксонской легенд о призвании коренится глубоко в общих эпических и даже мифоэпических основах, сформировавшихся в Эпоху великого переселения народов. У Видукинда был предшественник, первый англосаксонский историк Беда Досточтимый, писавший в 8 в. «Англо-саксонскую хронику». Он и рассказывает тот вариант легенды о призвании уже англов и родственных им саксов, в которой их предводители напрямую – генеалогическими связями – соединяются с мифологическими существами. Бритты сначала (в 443 г.) обратились за помощью к римлянам, но те были заняты войной с гуннами Аттилы, и тогда бритты призвали англов и саксов, возглавляемых двумя вождями – братьями Хенгестом и Хорсой. Те прибыли в Британию с войском на трех кораблях. Бедо были известны их предки, и первым среди них был Водан, к которому возводят свой род англо-саксонские короли. Для христианского клирика Беды Водан был, конечно, простым смертным – предком королевского рода, но мы знаем, что его имя – это имя верховного бога германцев Вотана-Одина.

Не менее мифологическими оказываются имена братьев – предводителей англов и саксов: имя Хенгест означает «Жеребец», Хорса – «Конь». Читатель уже не должен удивляться этой зооморфной символической именности – ведь мы уже говорили о том германском племени, которое почитало божественных близнецов под именем «Олени». Олени и кони играли огромную

роль в мифах германо-скандинавских народов. Олень вообще воплощал весь земной мир – в представлениях германцев осью этого мира было огромное мировое дерево, о котором еще пойдет речь ниже; его вершина достигала небес, а у ствола стояли олени, символы земли. Кони были транспортным средством не только для людей – они были запряжены в колесницы Солнца и Луны; изображение солнечной колесницы с конем, везущим солнечный диск, было найдено археологами в Трундхольме. Чудесный «сдвоенный» конь о восьми ногах принадлежал и самому Одину – на нем он мог проникать во все миры, вплоть до преисподней. Поэтому конские имена Хенгеста и Хорсы как раз подходили для вождей в переселенческом сказании.

Удивительные памятники, созданные в эпоху великого переселения, как бы служат иллюстрацией к этим сказаниям. Это надгробные или памятные камни – стелы, обнаруженные на том самом острове Готланд, который считается «прародиной народов». Изображения на этих стелах обнаруживают знакомство готландских мастеров с римской традицией надгробий: римляне изображали на своих памятниках символы луны и солнца – такие же розетки, символы светил, мы видим на готландских камнях. Но под светилами видим симметричные изображения коней и оленей – символов земного мира, а также симметричные парные фигурки воинов и всадников. Это и есть германские Диоскуры – божественные близнецы, которые оказываются одновременно потомками небесных богов и предками земных вождей. Но в отличие от античных божественных близнецов, не желавших расстаться и после смерти, на готландских камнях воины явно сражаются друг с другом. Это не случайно – ведь близнецы воплощали дуализм всего мира, борьбу противоположностей, жизнь и смерть, небо и землю, день и ночь и т. д.; к примеру, в Исландии были популярны игры, напоминающие об именах Хенгеста и Хорсы: устраивали бой двух жеребцов, один из которых воплощал лето, другой – зиму.

Но в эпоху Великого переселения бой божественных близнецов напоминал не только о «календарном» поединке двух сезонов и т. п. Младший современник англо-саксонского хрониста Беды Павел Диакон, происходивший из знатного рода лангобардов, германского народа, который переселился в 6 в. на север Италии, написал историю своего народа. Эта история началась с битвы, которую небольшое племя, обитавшее тогда на северном острове (как и готы) и звавшееся винилы, выиграло у более сильных врагов – знаменитых вандалов, устранивших самый Рим. Обоими народами управляли два брата, оба народа молили о победе Одина (которого Павел Диакон именует Годан или Гводан). Победу обеспечило женское хитроумие (здесь опять нельзя не вспомнить о почитании германцами женщин как провидиц). Один пообещал вандалским вождям, что дарует победу тем, кого раньше увидит при восходе солнца. Мать же винильских предводителей мудрая Гамбара обратилась за помощью к жене Одина, которую историк именует Фрея (мотив соперничества Одина и его жены из-за своих любимцев характерен для германо-скандинавских мифов). Та посоветовала винильским женам появиться на восходе с распущенными волосами, обвив их вокруг подбородка. Это зрелище и подивило Одина, который спросил: «Что это за лангобарды (длиннобородые)?» Фрея поймала мужа на слове, сказав: «Ты даровал им имя, даруй и победу!» Победители, наделенные новым именем, подчиняют себе три земли на Европейском континенте (знакомый нам мотив деления земли или народа на три части), пока не переселяются в Италию. Лангобардский король Автари, завоеватель Италии, хоть и был христианином, помнил о том, кому его народ обязан победами. Достигнув оконечности Апеннинского полуострова, он подъехал к тому месту, где высился некий каменный столп: король коснулся столпа концом своего копья и сказал, что до этих пределов будет простираться земля лангобардов. Прикосновение копья было посвящением богу войны и победы – Одину-Водану.

Потомки Одина – братья Хенгест и Хорса в Англо-саксонской хронике призваны участвовать в настоящих сражениях, и Хорса гибнет в одном из боев, оставляя престол своему брату. В «Саге об Инглингах» – потомках Фрейра – рассказывается, как два брата – конунга свеев – соперничали из-за того, кто лучший наездник: поссорившись, они убили друг друга конскими

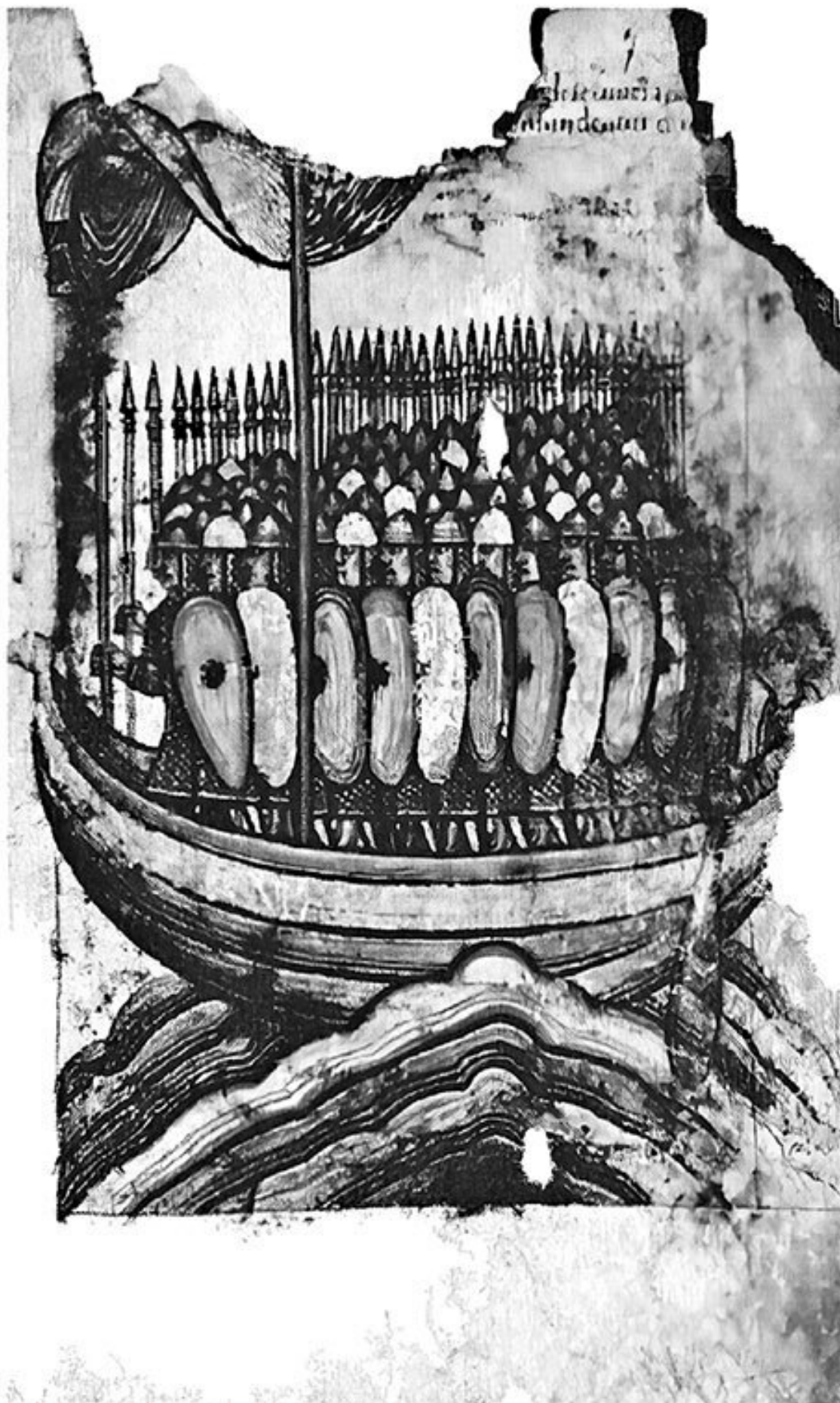
удилами. Еще более загадочна судьба братьев Рюрика, которые умирают сразу после призвания. Мы знаем, что средневековые правители стремились к единовластию и всеми способами хотели избавиться от соперников – распри между братьями, принадлежавшими к одному королевскому или княжескому роду, становятся обычными в средневековую эпоху – время становления государств. Эти распри между членами одного рода и родами богов становятся центральными сюжетами эпоса и мифологии средневековой эпохи, которые сохранила скандинавская, точнее – древнеисландская традиция.

Глава 1

Миф и средневековая культура. Почему скандинавы сохранили свои языческие мифы. Снорри Стурлусон.

Последним этапом – эпилогом эпохи Великого переселения народов, формирования германских народов и государств, стал век викингов. В 6–8 вв. в Северной Европе – Скандинавии, которая считалась у древних авторов то далеким островом, то тем центром, откуда как из «утробы» выходили к границам Рима все новые народы, стали складываться собственные государства – погребальные памятники их правителей, огромные курганы, до сих пор носят имена первых легендарных конунгов. Это была «передышка» в эпохе бесконечных миграций и связанных с ними войн. Но «передышка» кончилась на рубеже 8 и 9 вв., когда накопившиеся в Скандинавии силы обрушились на Европейский континент.

Нашествие «северных людей» (норманнов, как их звали на Западе) привело в ужас даже привычных к войнам жителей германских королевств: «Боже, спаси нас от неистовства норманнов», – молили за недавно обращенных в христианство жителей разоряемых городов и аббатств клирики. Этот ужас можно понять: в поход отправлялись уже не мигрировавшие племена с женами и детьми, а боевые дружины, и шли они не по трудно проходимым дорогам, а внезапно появлялись на своих кораблях. Эти дружины уже не называли себя «племенными» именами – они именовали себя викингами, участниками «вика» – морского похода на Западе, русью – «гребцами» – на Востоке (ведь по рекам Восточной Европы нельзя было ходить на больших морских кораблях). Корабли скандинавов устремились не только к ближним Лондону и Парижу, но и к Киеву и Бердаа (в Азербайджане), и, конечно, к Риму и Константинополю – заветным целям всех «варваров», начиная с эпохи Великого переселения.

Нападение Викингов. Страница из франкского манускрипта. Около 1100 г.

Настал черед для недавно просвещенных христианских писателей англо-саксонских и франкских королевств описывать страшные обычаи норманнов, как некогда античные авторы описывали обычаи германских варваров. Франкский хронист начала 11 в. Дудон так объяснял причины нашествий варваров, в том числе норманнов. «Эти народы возбуждаются горячительным излишеством и, растлевая как можно больше женщин..., производят бесчисленное множество детей в браках, так постыдно заключенных. Когда это потомство вырастает, оно заводит споры из-за имущества с отцами, дедами и между собой, так как численность его очень велика, а земля, ими занимаемая, не может их пропитать. Тогда это множество юношей бросает жребий, кто из них, по древнему обычаю, должен быть изгнан в чужие края, чтобы мечом завоевать себе новые страны. Так поступали...готы, обезлюдив почти всю Европу... Выполняя свои изгнания и выселения, они сначала совершали жертвоприношения в честь своего бога Тора. Ему жертвуют не скот или какое-нибудь животное, не дары отца Вакха (римский бог плодородия и виноделия) или Цереры (римская богиня плодородия), но человеческую кровь, считая ее наиболее действенной из всех жертвуемых вещей. Поэтому жрец по жребию назначает людей для жертвы; они оглушаются одним ударом бычьим ярмом по голове; особым приемом у каждого, на которого пал жребий, выбивают мозг, сваливают на землю и, перевернув его, отыскивают сердечную железу, то есть вену. Извлеки из него всю кровь, они, согласно своему обычаю, смазывают ею свои головы и быстро развертывают паруса своих судов на ветру; считая, что таким путем они укротили ветер, они стремительно садятся на весла».

Так, продолжает хронист, «возбуждается мужество юношей на истребление народов. Отечество освобождается от излишка жителей, а чужие страны страдают, безобразно наводненные многочисленным врагом... Они едут вдоль морских берегов, собирая добычу с земель. В одной стране они грабят, в другой сбывают». У Дудона еще сохраняется мотив переселенческого сказания, когда по жребию часть жителей (как правило – треть) должна покинуть страну. Но описание грабежей и торговли как источников обогащения соответствует исторической действительности: сотни тысяч серебряных монет, огромное количество кладов с серебряными украшениями скопились в Скандинавии эпохи викингов – эту эпоху называют даже «серебряным веком». В отличие от своих варварских предшественников, викинги уже понаторели в торговле – они могли прикидываться даже христианами, чтобы проникать на рынки Багдада или Константинополя. Но обычаи викингов – с точки зрения христиан – оставались варварскими.

Не следует преувеличивать, вслед за европейским хронистом, дикость норманнов. Обвинения некрещеных варваров – «поганых» – в неупорядоченной брачной жизни и оргиях были свойственны всем христианским авторам. Знакомый нам летописец Нестор сходным образом описывал обычаи язычников-славян, собиравшихся «на бесовские игрища». То же Нестор рассказал и об обычае кровавых жертвоприношений в Киеве, где обосновались князья скандинавского – варяжского происхождения. Правда, правнук легендарного Рюрика князь Владимир носил уже славянское имя, а его дружинники поклонялись славянскому громовержцу Перуну. Но жертвы по случаю военных побед приносились по жребию, и жребий должен был пасть на юношей или дев – сыновей и дочерей киевлян. В 983 г. в Киеве случилось так, что жребий пал на сына знатного варяга, вернувшегося в столицу Руси из Константинополя: оба варяга приняли там крещение, и отец отказался выдать сына на закланье языческим богам – «бесам». Разъяренные язычники расправились с варягами, и те стали первыми христианскими мучениками на Руси...

Действительно, христианская цивилизация проникала в среду викингов и завладевала, в первую очередь, душами и мыслями тех, кто более всего нуждался в едином Боге и едином законе – правителей, конунгов (как именовали своих властителей скандинавы) и князей, а

также их дружинников. Уже упоминавшийся норвежский конунг Олав Трюгвасон стремился крестить не только Норвегию – в саге о нем говорится, что именно он уговорил князя Владимира принять крещение, когда вернулся из Константинополя на Русь. Конечно, родоплеменная знать всячески противилась попыткам низвергнуть языческих богов – ведь они считались предками аристократических родов. Но сила и даже сочувствие народа были на стороне новых правителей, а не старой знати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.